

— Ты же не один. — Чу И немного подумал:

— Давай я попозже приду к тебе.

Янь Хан посмотрел на него, довольно долго и пристально, а затем поднялся, подошел и чмокнул в лоб.

Чу И замер на месте.

Легкий аромат парфюма Янь Хана окутал его с головой. И хотя поцелуй пришелся на волосы, голова у парня все равно пошла кругом.

С самого детства его никто так не целовал. Он даже не мог припомнить, чтобы кто-то из домашних его обнимал.

Это легкое прикосновение Янь Хана к его лбу стало первым проявлением близости за всю его жизнь.

— Тебе точно пора стричься, — проворчал Янь Хан.

— Ага, — Чу И смущенно улыбнулся и ерошил челку. — На выходных схожу.

— Вечером я хочу побыть один, — сказал Янь Хан. — Если что-то случится, я тебе напишу.

— Договорились, — ответил Чу И.

— Договорились, — кивнул Янь Хан.

Когда Чу И ушел, Янь Хан еще какое-то время посидел на диване, тупо глядя в одну точку, а потом поднялся, достал бутылку папиного эрготоу и пачку арахиса.

Устроившись на диване, он закурил, убавил звук телевизора и продолжил смотреть городские новости.

По вечерам на городском канале всегда крутили какую-нибудь душещипательную мелодраму — из тех, где у стариков на лицах от фильтров сглаживалась каждая морщинка.

А после сериала всегда шли новости.

Он сидел в темноте, попивая крепкий алкоголь и закусывая арахисом, неотрывно глядя на мерцающий экран.

Это состояние — «я в тени» — дарило ему ощущение безопасности.

Безопасности.

Когда папы не было дома, эта потребность обострялась.

Не просто чувство защищенности, а вполне осязаемая, реальная безопасность.

Сегодня он мог бы сам выйти и разузнать, что к чему, но не стал, отправив вместо себя Чу И.

Такая привычка — прятаться при малейшем намеке на опасность — не была чем-то, чему папа учил его целенаправленно.

Но за долгие годы такой жизни отец приучил его драться, защищать себя, разбираться в людях, и эти навыки уже давно впитались в подкорку.

Когда заиграла музыкальная заставка новостей, рука, державшая рюмку, слегка дрогнула.

Алкоголь расплескался. Он слизнул капли с кожи, не глядя на экран, уставившись на арахис, рассыпанный по журнальному столику.

— Сегодня около шести часов вечера в Восточном районе города произошел инцидент, предположительно, серьезная драка...

Когда дикторша в телевизоре произнесла эти слова, у Янь Хана внутри всё сжалось. Он залпом осушил рюмку, уставившись на экран.

Но слова уже долетали до него как сквозь вату.

— В отделении полиции района Линьхэ был получен вызов... один человек скончался на месте от большой потери крови... на месте обнаружены обширные следы крови...

Янь Хан не сводил глаз с телевизора, где показывали знакомую улицу, перегороженную желтой полицейской лентой.

Человек погиб на речном берегу, личность еще не установлена. Очевидцы утверждают, что он выбежал из переулка напротив.

Переулок напротив.

До него от их съемной квартиры было метров пятьсот. Строго говоря, это был даже не переулок, а просто узкий проход между стенами домов — машинам не проехать, только пешеходам да мопедам.

Кадр сменился, и Янь Хан увидел на земле огромные пятна еще не смытой крови.

Он нахмурился.

На кадрах с речного берега тоже было видно много крови — тело лежало в луже, он явно получил удар ножом в переулке и, истекая кровью, побежал к реке, где и скончался.

Но почему так много крови осталось в самом переулке? Чья она?

И кто нанес ему удар?

— Обстоятельства дела выясняются...

Новость была короткой, через пару минут ее сменил сюжет о двух стариках, которые подрались в автобусе из-за места.

— Совсем от рук отбился! — бабушка вlepила Чу И звонкую оплеуху по спине. — Еще и школу прогулял! Почему бы тебе сразу документы из вуза не забрать?!

Чу И молчал, уставившись на разлитый по полу цзыцай даньхуатан.

Ноги и ступни горело огнем.

Суп выплеснулся, когда бабушка с размаху перевернула кастрюлю, которую он только что вынес из кухни; весь бульон залил его брюки.

Гнев бабушки был понятен: он не предупредил, что не придет ужинать, и мама с бабушкой и дедушкой все это время ждали его, оставаясь голодными.

Сегодня он был слишком занят мыслями о том, как составить компанию Янь Хану, и забыл придумать правдоподобную ложь для мамы.

— Сходи хоть ополоснись, — подал голос дедушка, махнув рукой.

— Что ополоснись! Ошпарился бы, да и ладно, если не проучить, он скоро на голову сядет! — Бабушка уперла руки в бока и ткнула в него пальцем. — Ты посмотри на него! Когда в настроении — приходит поесть, а когда нет — пропадает бесследно, даже слова не скажет!

На самом деле, когда он был в настроении, он как раз домой не возвращался, а дома есть было не от чего.

Чу И осторожно оттянул штанину, чтобы ткань не касалась кожи. Хорошо, что суп постоял некоторое время и уже не был обжигающим.

Впрочем, боль в ногах волновала его меньше, чем испорченные брюки.

Это были брюки, подаренные Янь Ханом. Он не рискнул надеть весь костюм целиком, поэтому сверху был школьный пиджак... Знал бы, что так выйдет, надел бы школьную форму — ту дыру на заднице он уже сам заштопал.

Бабушка еще немного поворчала и наконец умолкла. Он зашел в туалет, снял брюки — ноги и ступни покраснели, но кожа осталась целой.

Он подержал ноги под холодной водой, стало немного легче, но стоило выключить кран, как жгучая боль вернулась.

Вздохнув, он натянул широкие шорты, найденные на балконе, и решил, что вечером надо будет сходить в аптеку за мазью.

В гостиной воцарилась тишина. После того как бабушка перевернула суп, ужин был отложен, и все сидели, безучастно глядя в пустоту.

Чу И взял швабру и принялся отмывать пол.

— Может, в полицию заявить? — вдруг спросил дедушка.

— Какую еще полицию! — нахмурилась мама. — Стану я звонить в полицию из-за того, что мужик на звонки не отвечает? Думаешь, у них там времени полно с нами возиться?

— Вот именно, — добавила бабушка. — Какую еще полицию, лучше бы поискали, по каким бабам он шляется.

— Да хватит уже, ни дня без гадости, никакой поддержки от родных! — раздраженно бросила мама.

— Тот человек, о котором в новостях говорили, — тихо проговорил дедушка, — не он ли...

— Ты с ума сошел? — мама подскочила с места. — Ты в своем уме вообще?!

— Всю жизнь был дураком, — бабушка ткнула в сторону дедушки. — От меня толку больше, чем от твоего интеллекта.

Чу И дважды протер пол, расставил тарелки с едой и сел за свой письменный стол.

Слушая, как бабушка с мамой обсуждают отца, он чувствовал лишь смятение и страх.

Отец был робким и осторожным человеком, особенно боялся гнева мамы. В памяти Чу И не было случаев, чтобы отец пропадал из поля зрения — даже если телефон разряжался, он всегда находил способ позвонить.

Что же случилось?

У мамы не было ни номера телефона компании отца, ни контактов его коллег. Раз телефон не отвечал, спросить было просто не у кого.

— Завтра сама поеду к ним в офис, — заключила в итоге мама. — Что за контора такая!

— Я с тобой пойду, — отозвалась бабушка.

— Тебе-то зачем? Посиди, я сама узнаю, в чем дело, — мама нахмурилась.

Чу И лежал на столе, листая учебник английского.

Заданий на дом сегодня не было, и он не знал, чем себя занять.

В этом доме не было даже уголка, где можно было бы побыть в тишине.

Так он и просидел, уставившись в книгу.

Когда вся семья разошлась спать, он наконец поднялся, на цыпочках прокрался к выходу и вышел из дома.

В такое время идти было некуда. Обычно он просто бегал или шел к «дуплу» поболтать.

Но сегодня к «дуплу» было нельзя — там все еще растянута полицейская лента.

В аптеку он зашел, но мазь от ожогов так и не купил: он не ожидал, что она стоит так дорого, куда дороже зубной пасты...

В итоге он остановился на обочине прямо напротив дома Янь Хана и тяжело вздохнул.

В окнах Янь Хана было темно, наверное, он уже спит.

Улица была пуста и казалась холоднее, чем обычно — днем здесь произошло убийство, и прохожих почти не было даже тогда, когда Чу И возвращался домой.

Чу И не особо боялся. По крайней мере, когда вокруг ни души, никто не посмотрит на него как на странного.

Однако ночной ветер, обдувавший ноги, не приносил облегчения, кожа по-прежнему горела.

Надо было дома намазать ноги зубной пастой, как советовали.

Чу И снова вздохнул.

<http://bllate.org/book/18095/1738897>